

III.

Л и т е р а т у р а.

Писатели XIV и XV вѣка ограничивались, по большей части, механическими компиляціями. Мертворожденные произведенія! Ни одной свѣжей бытовой черты,—даже въ житіяхъ мѣстныхъ святыхъ. Лѣтописи приближались по стилю и содержанію къ оффиціальному протоколу. Самый замѣчательный изъ этихъ сборниковъ, *Степенная книга* митрополита Макарія. Онъ возвышается нѣсколько надъ общимъ уровнемъ только благодаря попыткамъ автора установить нѣкоторую связь между фактами дѣйствительности и генеологіей государей. Степенная книга—произведеніе съ политической тенденціей, но этимъ самымъ выдѣляющееся изъ общей банальности. Вотъ, гдѣ почерпнетъ Грозный идею о своемъ происхожденіи отъ Кесаря-Августа. Степенная книга—трудъ религіозно-назидательный, старающійся доказать не-

бесное вмѣшательство во всѣ событія жизни. Впрочемъ, создавшее его духовное лицо было, какъ мы сейчасъ увидимъ, только компиляторомъ болѣе высокаго полета.

По формѣ и содержанію литература этого періода стоитъ ниже кievской. Вмѣстѣ съ поэзіей, естественностью и простотой исчезли свѣжесть и прелесть словеснаго творчества. Нѣтъ ничего непосредственнаго. Расчетъ замѣнилъ вдохновеніе; рѣдко пробуждающееся стремленіе къ красотѣ—неспособно подняться до искусства и превращается въ холодную искусственность. Ни одной строки, гдѣ бы трепетало волненіе, гдѣ глубина чувства искупила бы поверхностность мысли. Ни одной поэмы,—и это въ эпоху Чосера и Виллона, Петрарки и Бокаччіо! Ни одной попытки научной или философской,—и это наканунѣ появленія на свѣтъ Галилея въ Италіи, Бэкона въ Англіи, Монтеня во Франціи! Скоро наступитъ на Западѣ пора Шекспира и Сервантеса, Джордано Бруно и Декарта, Роберта Этьенна и Дюканжа... Даже въ сосѣдней Польшѣ, уже стремящейся по наклонной плоскости къ неминуемому упадку, XVI вѣкъ дастъ цѣлую плеяду мыслителей и художниковъ, необыкновенно богатую политическую литературу, гениальнаго писателя *Реза*. Здѣсь языкъ сформированъ; стиль скоро дойдетъ до совершенства въ проповѣдяхъ Скарги. Недалеко время, когда Баторій будетъ возить съ собою типографію даже въ походахъ, которые заведутъ его въ самое сердце Московіи. А въ Московіи типографское искусство, какъ и всѣ другія, еще не народилось. Печатають или скоро будутъ печатать на русскомъ языкѣ; но печатники находятся въ Краковѣ, въ Венеціи, въ Цетиньѣ, въ Тюбингенѣ, въ Прагѣ, въ Вильнѣ. Когда они появятся въ Москвѣ, ихъ захотятъ убить и сожгутъ ихъ дома. Да и что будутъ они печатать? Часословы, псалтири, Библію. До конца XVI вѣка этотъ перечень не измѣнится; немногія произведенія, гдѣ проявится кое-какая умственная работа, сведутся къ Правиламъ истинной вѣры (Тюбингенъ 1562), Краткимъ разсказамъ на воскресные и праздничные дни (Ibid, 1562) или Оправданію челоуѣка предъ Господомъ (Несвѣжъ въ Литвѣ, 1562).

Положимъ, народная поэзія существуетъ; но, за исключеніемъ историческихъ пѣсенъ, гдѣ скоро отразится могучая личность Грознаго, давшая толчокъ національному творчеству, эта поэзія питается наслѣдіемъ древней Кіевской Руси.

Вся литературная дѣятельность періода, послѣдовавшаго за гибелью старой Руси, выразилась въ первой половинѣ XVI вѣка въ

двухъ основныхъ произведенійхъ. Они заключаютъ въ себѣ всю сумму прибрѣтенныхъ знаній, ходячихъ идей, всего умственного достоянія тогдашняго общества. Одинъ изъ этихъ трудовъ, оконченный въ 1552, но начатый еще въ 1529,—цѣлая энциклопедія. Другой, восходящій по своимъ понятіямъ и содержанію къ далекому прошлому, имѣетъ характеръ руководства для домашняго обихода. Это знаменитый *Домострой*. *Четьи-Минеи* митрополита Макарія служатъ ему противоположностью. *Четьи-Минеи* или *Мѣсячное чтеніе* (отъ *μῆν* — мѣсяць и *читать*) это собраніе житій святыхъ, — родъ литературы, очень распространенной уже въ XV вѣкѣ; однако, здѣсь ея рамки уже значительно шире. Цѣлью обыкновенныхъ Миней было дать для каждаго дня мѣсяца поучительное чтеніе, относящееся къ жизни святого, означеннаго въ календарѣ. Макарій же задумалъ соединить въ 12-ти огромныхъ томахъ всю литературу своей родины. Книги Св. Писанія и ихъ комментаріи; жизнеописанія русскихъ святыхъ (патерики) и греческихъ (синаксары); творенія Отцовъ Церкви; энциклопедическій сборникъ болѣе ранней эпохи, въ родѣ *Пчелы*, описаніе путешествій—все онъ включилъ въ свои Четьи-Минеи. Но онъ исчерпалъ не все. Даже изъ книгъ Священнаго Писанія—по винѣ переписчика или преднамѣренно—не всѣ оказываются налицо. Второе предположеніе особенно правдоподобно относительно *Пѣсни Пѣсней*. Какъ бы то ни было, произведеніе это является для интеллектуальной исторіи эпохи неоцѣненнымъ документомъ. Что касается той части его, которая посвящена жизнеописанію святыхъ, то она даетъ, кромѣ того, любопытное указаніе на постепенную работу національнаго сознанія. Святые древнихъ Миней были мѣстными героями или чудотворцами. На Москвѣ не знали новгородскихъ святыхъ и обратно. Макарій уже соединяетъ ихъ для славы и поклоненія всей страны. Политическая побѣда Москвы утверждается и торжествуетъ на этомъ христіанскомъ Олимпѣ, который завладѣлъ церквами Кремля и приобщился виѣшней пышности московскаго единодержавія.

Самъ митрополитъ, повидимому, только наблюдалъ за редакціей своего сборника и, окружая себя тщательно выбранными сотрудниками, былъ основателемъ первой русской литературной коллегіи. Съ другой стороны, онъ вызвалъ движеніе, которое распространилось вокругъ него и надолго его пережило. Придавая большое значеніе стилю онъ, наконецъ, утвердилъ преобладаніе въ литера-

турѣ своего церковно-славянскаго языка, который вытѣснилъ народное нарѣчіе даже изъ житій святыхъ, написанныхъ первоначально на живомъ языкѣ народа. Но, какъ и въ произведеніяхъ Максима Грека, не надо искать у Макарія критическаго смысла. Онъ совсѣмъ не провѣрялъ подлинности текстовъ, нагроможденныхъ въ его энциклопедіи, и ввелъ въ нее, на ряду съ самыми нелѣпыми выдумками, безусловно фантастическія житія святыхъ—между прочимъ,—сорока мучениковъ, канонизированныхъ сразу на соборахъ 1547 и 1549 года. Но и здѣсь давала тонъ московская политика ей нужны были небеса, сіяющія новымъ блескомъ надъ ширью областей, только что объединенныхъ вокругъ общаго центра.

Впрочемъ, самъ Макарій былъ разностороннимъ писателемъ. Кромѣ *Степенной Книги*, о которой я уже говорилъ, и многихъ посланій и поученій, ему приписывается *Кормчая книга*. Это—русскій номоканонъ, собраніе всѣхъ каноническихъ или считаемыхъ таковыми писаній, книга монастырскихъ уставовъ—и опять компиляція! Но писатель былъ также и ораторомъ; онъ сломилъ печать молчанія, давно лежавшую на устахъ національной Церкви, и двѣ или три его проповѣди изъ дошедшихъ до насъ возвѣщаютъ о наступленіи новой литературной эпохи. Онъ хорошо составлены, написаны съ простотой, выдѣляющей ихъ изъ всей предшествующей литературы; порою ихъ можно принять за импровизацію. Третья проповѣдь Макарія, произнесенная передъ Грознымъ послѣ взятія Казани, написана съ наибольшей старательностью и удалась меньше другихъ: она возвращается къ худшимъ образцамъ прошлаго. Общій недостатокъ художественной культуры отнималъ у этого богато одареннаго человѣка всякую способность чисто-эстетической эмоціи; но на этотъ разъ, очевидно, желая подняться до нея, чтобы быть на высотѣ великаго историческаго событія, которое надлежало прославить, Макарій, не достигнувъ цѣли, падаетъ тяжело и неловко.

Домострой приравнивали къ различнымъ схожимъ съ нимъ произведеніямъ итальянскимъ, французскимъ, даже индійскимъ. Но я сказалъ бы, что сравнивать его нельзя ни съ чѣмъ. Подобнаго ему произведенія нѣтъ. Книга имѣетъ ту особенность, что не относится ни къ какой эпохѣ, ни къ одной опредѣленной средѣ. Это, какъ я указывалъ, трудъ компилятивный и ретроспективный. Поэтому онъ и характеренъ въ бытовомъ отношеніи. Основа его, повидимому, заимствована попомъ Сильвестромъ изъ болѣе раннихъ новгородскихъ

писаній, такъ какъ книга довольно точно воспроизводитъ новгородскіе обычаи. Домашняя жизнь, которую Сильвестръ изображаетъ, есть жизнь мѣстной аристократіи,—маленькаго мірка бояръ, наполовину земельныхъ собственниковъ, наполовину коммерсантовъ. Но къ этой части присоединяется приложение, посвященное религіи и морали. Здѣсь также не мало всякихъ заимствованій, сдѣланныхъ у литературы церковной, такъ же какъ и у спеціально-дидактической, бывшей въ большей чести въ монастыряхъ: таково, напри- мѣръ, росписаніе кунаній на постные дни. Но тутъ уже чисто московскій духъ царитъ надъ всѣмъ собраннымъ матеріаломъ. Только послѣдняя глава, въ видѣ поученія отъ лица священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы къ сыну Анфиму, справедливо приписывается самому Сильвестру. Однако, и здѣсь авторъ только резюмируетъ правила, вытекающія изъ предыдущихъ главъ. Эти правила говорятъ объ обязанностяхъ добраго христіанина по отношенію къ Богу и къ ближнему, къ государю и слугамъ. Есть между ними довольно странныя: таково, напр., требованіе задерживать дыханіе, прикладываясь къ образамъ; есть и такія, гдѣ положеніе женщины въ московской семьѣ выступаетъ въ удивительномъ свѣтѣ: такъ, напри- мѣръ, она можетъ присутствовать при богослуженіи, лишь тогда, когда ей позволяютъ ея занятія. А мы увидимъ, какъ мало они оставляютъ ей досуга. Глава семьи приглашается быть болѣе усерднымъ, но изображеніе его роли и его обязанностей непріятно напоминаетъ тогдашнее законодательство. Точно передъ нами какое-то уложеніе о наказаніяхъ. Супругу, отцу и хозяину рекомендо- вается въ мѣру примѣнять наказанія, не допуская, однако, никакого послабленія. Надо избѣгать бить виновныхъ по головѣ, или подъ сердце, наносить удары ногами или тупымъ орудіемъ. Въ этихъ наставленіяхъ встрѣчается, впрочемъ, нѣсколько противорѣ- чій. Такъ въ одномъ мѣстѣ употребленіе палки осуждается, а въ другомъ сказано: «если ты его (непослушнаго сына) ударишь жезломъ, не умреть». Таково обычное неудобство всѣхъ компіляцій. Какъ бы то ни было, между наказующимъ и наказуемымъ всѣ семейныя отно- шенія почти ограничиваются распредѣленіемъ ударовъ, которые надлежитъ дать или получить. Для супруги допускается нѣкоторое снисхожденіе. Мужъ долженъ увести ее подальше отъ нескромныхъ глазъ и тамъ, прежде всего, снять съ нея сорочку: на этомъ пунктѣ Домострой настаиваетъ, и онъ дѣйствительно является существеннымъ

въ книгѣ, гдѣ большое мѣсто отведено идеямъ порядка и бережливости. Затѣмъ безъ гнѣва, ласково держа жену за руки, но съ необходимой силой пусть мужъ погладить ей плечи своей плеткой. Послѣ наказанія, онъ долженъ быть добрымъ и ласковымъ, чтобы супружескія отношенія не пострадали отъ такихъ интермедій.

Должно быть, однако, онъ повторяются нерѣдко. Если всѣ обязанности наказующаго сводятся почти исключительно къ подобнымъ расправамъ, то обязанности наказуемой многочисленны и довольно тягостны. Она первая встаетъ въ домѣ. Помолившись, она должна раздать работу всѣмъ слугамъ—съ тѣмъ, конечно, чтобы, служа имъ хорошимъ примѣромъ, отнюдь не сидѣть самой, сложа руки. Хозяйка должна быть искусной во всѣхъ рукодѣліяхъ, шить, стирать, хорошо стряпать. И мужъ, и гости не застанутъ ее никогда безъ работы. Она должна воздерживаться отъ смѣха и шутокъ съ окружающими ея женщинами, не вести съ ними пустыхъ разговоровъ, не отворять дверей сосѣднимъ кумушкамъ, гадалкамъ, даже торговкамъ.

Очевидно, это лишь идеальное правило, какъ бы опрокинутое отраженіе. Его надо обернуть, чтобы получить ясное понятіе о соответствующей дѣйствительности. Такое замѣчаніе, впрочемъ, относится не къ одной страницѣ книги; оно примѣнимо, на примѣръ, и къ тому параграфу, гдѣ рекомендуется женщинамъ пить только квасъ, или къ другому, гдѣ говорится о томъ, что со слугами надо обращаться кротко и человѣчно, хорошо одѣвать ихъ и кормить. Но вотъ, точно въ кинематографѣ, передъ нами вырастаетъ силуэтъ слуги, посланнаго съ порученіемъ. Подошедши къ двери дома, куда его послали, этотъ примѣрный посланецъ оботретъ ноги, высморкается, вѣроятно, пальцами, прокашляется, плюнетъ и наконецъ произнесетъ: «Благословенно буди имя, Господне!» Если ему не отвѣтятъ: *аминь*! онъ все это повторитъ трижды и, наконецъ, постучитъ легонько. Допущенный въ жилище, онъ скажетъ, что ему велѣно, уже стараясь теперь не сморкаться, не плевать и не совать палецъ въ носъ. Послѣ этого онъ поспѣшитъ домой...

Самою характерной чертой этихъ картинъ, равно какъ и сопровождающихъ ихъ комментаріевъ, является матеріализмъ, которымъ, повидимому, проникнута вся изображаемая ими домашняя и общественная жизнь. Воспитаніе дѣтей сведено къ внушенію страха Божія и къ обученію ремесламъ; необыкновенная важность, придаваемая

малѣйшимъ подробностямъ хозяйства,—шитью одежды, употребленію обрѣзковъ матеріи, расположенію копенъ сѣна и уборкѣ роговъ—подчеркиваетъ еще опредѣленнѣе этотъ характеръ. Въ главѣ, касающейся общественныхъ отношеній, мы видимъ то же самое. Если позовутъ на свадьбу, не надо пить лишняго и засиживаться за столомъ. Вотъ въ чемъ вся суть.

Тонъ книги въ концѣ становится нѣсколько болѣе возвышеннымъ,—именно, въ той части, на которую Сильвестръ явно наложилъ свой личный отпечатокъ. Но тотчасъ же обнаруживается основная двойственность его настроенія: съ одной стороны—аскетизмъ, съ другой—чувственность. Мірянинъ ли тотъ сынъ, которому авторъ предлагаетъ образецъ христіанской жизни? Сперва можно въ этомъ усомниться. Не спать въ часы заутрени и не забывать времени обѣдни; пѣть ежедневно утрению, повечеріе и часы, не напиваться пьянымъ, когда пора итти къ вечерни—все это, обычно, требовалось отъ монаха XVI вѣка. Но нѣтъ! Человѣкъ, которому даются эти совѣты, имѣетъ свой домъ, куда ему рекомендуется почаще приглашать священниковъ для служенія молебновъ; онъ ходитъ на рынокъ, гдѣ долженъ подавать щедрую милостыню—конечно, не забывая въ то же время о своихъ интересахъ. И смѣшеніе божественнаго съ мірскимъ, правилъ высокой добродѣтели, доведенной до крайней суровости, и уроковъ практической мудрости, граничающей съ цинизмомъ, проникаетъ книгу сначала до конца. Искренно любить всѣхъ людей; никого не осуждать; не дѣлать другимъ того, чего себѣ не желаешь, имѣть двери своего дома широко открытыми для бѣдныхъ, страждущихъ; для всѣхъ несчастныхъ; прощать обиды; безъ жалобъ выносить дурное обращеніе; помогать даже врагамъ своимъ; наконецъ, соблюдать чистоту своей плоти, если нужно, умерщвляя ее. И вмѣстѣ съ этимъ, въ случаѣ спора—обвинять своихъ слугъ, даже если они и правы; бить ихъ—во избѣжаніе ссоры; стараться угождать всѣмъ—и, постомъ, заботиться о хорошемъ приготовленіи постныхъ блюдъ...

Ясно, что написавшій все это, усвоивъ форму, не понялъ вовсе духа христіанства. Онъ увидѣлъ въ немъ только руководство оппортунистической философіи, и, внимательный читатель Библии, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не пошелъ дальше Ветхаго Завета. Онъ скорѣе фарисей, нежели ученикъ Иисуса, ибо ставитъ свою собственную жизнь образцомъ христіанской. И онъ не только даетъ это понять:

онъ желаетъ, чтобы знали, что онъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ холоповъ и воспиталъ многихъ сиротъ, что онъ любимъ и уважаемъ всѣми своими слугами за то, что во время билъ ихъ. Эта глава, написанная Сильвестромъ, могла бы называться «подражаніе Сильвестру». Мы увидимъ, впрочемъ, что автору не всегда удавалось угодить всѣмъ.

Во всей книгѣ идеаль христіанскій—любовь и смиреніе, сочетается съ идеаломъ библейскимъ, гдѣ семейное начало является движущей силой всѣхъ домашнихъ и общественныхъ отношеній. И въ этомъ смыслѣ Домострой даетъ намъ точное понятіе объ обществѣ, гдѣ семья не только центръ, но и единственный очагъ общественной жизни, при чемъ глава дома является его исключительнымъ представителемъ и какъ бы поглощаетъ семью собою. Глава дома не только господинъ, которому всѣ должны повиноваться,—это существо, въ которомъ сосредоточено все, и отъ котораго все зависитъ. И это, дѣйствительно, было такъ, еще въ XVI вѣкѣ, не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ. Будучи картиною нравовъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, Домострой въ то же время есть кодексъ. Всемогущей волѣ *pater familias* онъ противопоставляетъ яко-бы непреложное прасило. Увы! мы видѣли, насколько оно неустойчиво и хрупко. Самодержавный московскій духъ справлялся съ подобными попытками безъ труда.

Вопреки своему новгородскому происхожденію *Домострой*—книга чисто московская. Можно найти сходныя съ нимъ черты въ *Поученіи* Владимира Мономаха (VII в.); въ *Dottrina dello schiavo di Bari* (XIII в.); въ трактатѣ, составленномъ Эгидіо Колонна для Филиппа Красиваго; въ *Regimento delle donne* Франческо Барберини (XIV в.); въ парижскомъ *Menagier* (около 1393 г.); наконецъ, въ нѣкоторыхъ чешскихъ писаніяхъ XIV и XV вѣковъ, даже въ *Indische Hausregeln*, изданныхъ Р. Штенглеромъ. Человѣчество, въ нѣкоторомъ родѣ, повторяетъ само себя на протяженіи вѣковъ, на различныхъ ступеняхъ развитія и подъ разными широтами. Пускай передъ нами совѣтъ особый міръ. Напрасно будемъ мы искать въ немъ нѣжныхъ и сентиментальныхъ отношеній между супругами, изображаемыхъ итальянскими писателями, или тщательныхъ описаній роскоши стола, даваемыхъ парижскимъ повѣствователемъ. Хронологически наиболѣе близкій къ Домострою, *Cortegiano* Бальтазаро Кастиліоне, вводитъ насъ въ общество, гдѣ даже у ремесленниковъ жизнь принимаетъ изящную

форму и становится изысканнымъ произведеніемъ искусства. Очевидно, цѣлая пропасть отдѣляетъ одинъ бытъ отъ другого. Какъ правильно замѣтилъ г. Пыпинъ (Исторія русской литературы, II, 211), есть только одна нить, связующая московское произведеніе съ литературными памятниками другихъ странъ: это вліяніе греческой литературы, которая наложила свой отпечатокъ на всю умственную жизнь Россіи XVI вѣка и дала матеріалъ или вдохновляющую идею большинству современныхъ Сильвестру русскихъ писателей.

Любопытно то впечатлѣніе, которое произвела эта книга, сперва преданная забвенію и воскресшая лишь въ 1849 году, на одного изъ вождей славянофильской школы. Иванъ Аксаковъ сначала возмущался. Какъ могла быть задумана и написана въ землѣ русской книга, столь противорѣчащая русскому духу! «Я прогналъ бы за тридевять земель наставника, который сталъ бы давать мнѣ подобные уроки!» Подумавъ, Аксаковъ вспомнилъ нравы, которые ему пришлось наблюдать среди московскихъ купцовъ. И что же? Они жили еще по Домострою! Тотчасъ же одно открытіе ведетъ за собой другое. Аксаковъ вспоминаетъ нѣкоторыя главы книги Татищева о *Сельскомъ управленіи* (1742) и о томъ, какъ онъ возмущался, думая видѣть въ нихъ доказательство нѣмецкаго вліянія на нравы страны. «Какъ глубоко оно проникло къ намъ!» думалъ онъ. И, вотъ, Домострой открылъ ему глаза: черты, столь его оскорбившія, были уже тамъ въ XVI вѣкѣ (Сочиненія Аксакова стр. 270 и слѣд. Письма отъ 1850).

Я не упомянулъ о стилѣ книги Сильвестра. О немъ сказать нечего. Авторъ вовсе не былъ художникомъ. Да и существовало ли въ Россіи художество?
